

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: РАЗНЫЕ И ПОКА НЕ РАВНЫЕ

В.Н. Ярская, Н.И. Ловцова

Задача этой публикации состоит в том, чтобы проанализировать большие инерционные препятствия и социокультурные барьеры на пути модернизации национальной молодежной политики, ее противоречивые дискурсы. Авторы обсуждают проблемы депривированного детства и юности, а также социальную стигму, которой наделяются представители некоторых молодежных групп и субкультур благодаря доминирующим нормативистским и наказующим дискурсам социализации, межпоколенного взаимодействия и молодежной политики. Аргументируется необходимость социальной интеграции и понимающего подхода к социально неоднородной молодежной когорте. Реальная социальная инклюзия — сложная задача, требующая длительного периода согласованных и последовательных действий всех агентов социальной политики.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, социальное исключение, моральные паники, инклюзия, интеграция

Для концептуализации молодежной политики важно понять, каким образом дисфункциональные изменения институтов российского общества запускают процессы дестабилизации детства и юности. Между тем концептуализация молодежной политики не может быть адекватной без понимания социальной дифференциации и неравенства молодежной когорты. В статье рассматриваются дискурсивные акценты, представленные в научных публикациях и официальных документах, обсуждается стигма социальной опасности, а также обосновывается важность принципа инклюзии в молодежной политике.

Семантика социальной опасности и молодежная политика

Численность молодежи России, как известно, сокращается на фоне старения общества, обострились проблемы образования и здравоохранения, занятости, растут процессы криминализации, алкоголизма, наркомании. Во многих случаях противоправное поведение молодежи является следствием проникновения криминальной субкультуры в молодежную среду [Боргоякова, 2009. С. 44]. Официальные меры семейной политики осуществляются в направлении придания официального статуса замещающим семьям, но пока сохраняются и интернатные учреждения. Несмотря на позитивные изменения, которые появляются в условиях жизнедеятельности воспитанников интернатов, до полного решения проблем подготовки их к самостоятельной жизни еще далеко. Фокусирующим признаком этого процесса выступает социальное сиротство: более девяти процентов детей-сирот, проживающих в государственных детдомах и специализированных учреждениях, имеют родителей, судом или добровольно не исполняющих родительских прав и обязанностей. Можно говорить о нерешенности проблем социальной адаптации не только сирот, но и молодых инвалидов [Ярская, 2006. С. 33–39].

Еще в 1990-е годы итальянскими социологами исследовалось соединение бедности и других форм депривации подростков в центрах и предместьях городов [Ray, 1992. P. 9–10]. И, хотя исследователи не претендовали на полное описание сложной вселенной подвергнутого опасности детства в Италии, команды исследователей в Неаполе, Палермо и Милане объединились в проекте по исследованию ситуаций трудного положения городского подростка, проиллюстрировав в историях подростков то, как детство вынуждено протекать в сжатом пространстве и ускоренном времени, обрываясь на жизненном пути в период вступления в самостоятельную жизнь.

Сложные миры молодежи и подростков исследовались и в России [Стивенсон, 2000; 2002]. В процессе исследования, в рамках которого было опрошено более ста уличных детей, обнаружился, помимо непосредственно криминальных, целый ряд возможных перспектив, открытых бездомным. Используя возможности, предоставляемые улицей, дети активно пытаются найти надежные и эффективные социальные связи, которые помогли бы им аккумулировать социальный капитал в параллельной экономике и обществе. О «казанском феномене», возникшем в начале семидесятых, о территориальных объединениях подростков и молодежи, вовлеченных в организованную преступную деятельность, воюющих между собой, нападающих на других молодых людей на стадионах, в школах, дискотеках, парках, заговорили в начале восьмидесятых. Со временем сходные молодежные группировки были обнаружены и описаны в Ульяновске, Набережных Челнах, Тюмени,

Волгограде, Люберцах и других городах России [Стивенсон, 2006; Салагаев, Шашкин, 2004]. Обязанностью «нормального пацана» в подобных группировках является участие в криминальных действиях, грабежах, разбое, драках и убийствах, охрана подопечной территории, соблюдение правил групповой солидарности, взаимовыручки и подчинения по иерархии. В провинциальном городе пышное многообразие столиц и метрополий стирается, сводится к двум собирательным названиям – неформалы и нормальные [Костерина, 2008. С. 123–124, 140].

Наряду с затянувшимся взрослением так называемых кидалтов [Ярская-Смирнова, Карпова, Ворона, 2008. С. 161, 165], с характерным для некоторой части молодежи продленным периодом инфантильности и беззаботности, надо признать и другой процесс. В отличие от «веселых, непонимающих и бессердечных», исключенные из социума когорты сконструированы как поколение угрюмых и тоже непонимающих и таких же бессердечных, но – с укороченным детством. Это процесс убыстрения, сжатия, редуцирования детства бедных и депривированных. Трагические сиротские судьбы не укладываются в маршруты успешного жизненного пути, мейнстримной культурной и социальной идентификации.

Исследования показывают, что основная функция органов внутренних дел и юстиции, занимающихся работой с правонарушителями по предотвращению повторных правонарушений, – это наказание, а не ресоциализация [Штейнберг и др., 2005]. Поэтому так важна по отношению к молодежи и подросткам интеграция социальной работы, семейной политики и правосудия. В 2006 году проведенное под нашим руководством исследование позволило определить реабилитационные ресурсы города – социальных, социально-психологических и других служб. Однако, как оказалось, специалисты служб в силу различных причин не могли эффективно и комплексно решать проблемы подростков и их семей, поэтому и был обоснован выбор моделей социальной работы в ювенальном суде [Кананина, 2006].

Не только дети из бедных семей, но и дети с инвалидностью и сироты приходят к началу самостоятельной жизни с мизерным социальным капиталом [Право на жизнь в обществе, 2009. С. 116–123; Ярская, 2006. С. 33–39]. Государственная молодежная политика не спешит реализовать помощь в получении качественного, конкурентного образования инвалидам и сиротам, продлить их юность как запоминающийся период жизненного пути. Ведь после 14 лет восполнить упущенные возможности очень сложно. Выпускники спецшкол или интернатных учреждений редко попадают в программы молодежных инициатив, они вынуждены начинать взрослую жизнь в жестком и конкурентном социальном окружении, что усиливает маргинальность их социального статуса в российском пространстве, и они рискуют оказаться на обочине нормативного жизненного пути.

Во время выездных заседаний Комиссии по вопросам помилования, нами выявилось то, что, к сожалению, выпускники интернатов нередко попадают в пенитенциарные учреждения, колонии. В интернатах и спецшколах развиваются процессы обновления содержания и технологий воспитания, выпускники получают гарантии временного жилья и государственного обеспечения [Скатова, 2008. С. 54], определенное внимание сегодня уделяется и социальной адаптации воспитанников в постинтернатный период [Шмидт, Шмидт, 2007]. Однако здесь есть основания для пессимизма. С одной стороны, руководители учреждений начального, среднего профессионального образования усиливают контроль по соблюдению законодательства, стремясь обеспечить оптимальные условия проживания детей-сирот и детей с ограниченными возможностями в общежитиях профессиональных училищ и лицеев. С другой стороны, активность и ответственность самих выпускников интернатных учреждений оказывается под вопросом: некоторые из них в поисках легкого заработка сдают полученные от государства квартиры и живут «на ренту», иные оказываются в цепких объятиях мошенников и криминальных группировок.

Подростковая преступность воспитанников детских домов остается одной из самых высоких, как и уровень суицидов и наркотизации среди них [Преступление и наказание, 2004. С. 19]. Здесь ощущается тот самый изъян – отсутствие связи молодежной политики и технологий социальной работы, доступности мероприятий молодежной политики для инвалидов и социальных сирот [Зайцев, 2006. С. 11–20; Дополнительное образование... 2007; Социология молодежи... 2004]. Однако задача внедрения в российскую практику опыта ювенальной юстиции [См., например: Нагаев, 2010] так и осталась не до конца разработанной. Не очень прочной базой для проведения реформ в системе уголовного судопроизводства являются отдельные инициативы и эксперименты. Более того, возникло контрдвижение, выдвигающее аргументы против реформы. Так, 21 марта 2010 года в Москве состоялся митинг «Спасем семью – спасем Россию!», направленный против принятия законодательных актов, предусматривающих появление в Российской Федерации ювенальных судов, ювенальных технологий и даже против службы омбудсменов [См.: Резолюция... 2010].

В силу инерционности общественного сознания получается, что нас гораздо больше устраивает политика, принципы которой существенно не меняются десятилетиями [Иконникова, 1998. С. 140] и предполагают условия социализации и самореализации молодежи с помощью структур, направляющих усилия на контроль, сдерживание, ориентацию и наказание. Между тем от такой политики молодые граждане сами вынуждены защищаться, обращаясь в поисках референтных групп и позитивной самоидентификации к ближайшему доступному и открытому

окружению, нередко формируя и отстаивая свой статус социально неодобряемыми способами, вплоть до участия в криминальных группировках и экстремистских формированиях. Для успешного противодействия молодежному экстремизму следует отличать его причины, корнящиеся в несовершенстве самого общества, в недостатках государственной молодежной политики от форм его проявления, имеющих социально-групповую специфику [Чупров, Зубок, 2009. С. 226]. К тому же содержание политического дискурса относительно роли и назначения молодежи в современном обществе определяется практикой обсуждения в терминах «проблематизации», то есть представления ситуации как проблемной [См.: Омельченко, 2009]. Одним из важных достижений реализации молодежной политики в нашей стране считается «выработанное государственное отношение к проблемам молодых людей» [Жидких, 2009. С. 5]. Семантика разговора вокруг проблем и негативных тенденций препятствует конструктивному пониманию потенциала развития, имеющегося в молодежной среде [Зубок, Чупров, 2008. С. 37–47].

Проявления молодежной активности, вызывающие непонимание взрослого общества, трактуются в политическом и правительственном дискурсах в качестве угрозы социальной стабильности, способствуя распространению моральных паник [Блюдина, 2000; Мейлахс, 2004; Омельченко, 2009]. Под стигму моральной опасности подпадают совершенно разные общности, а к понятию «субкультура» остается негативная коннотация, тем самым исключаются смыслы инновационной социальной ценности субкультуры. Дискурс социальной опасности увязывается с феноменом молодежных субкультур как радикальным противопоставлением ценностям господствующей культуры, воплощаемой в неформальных молодежных объединениях, более опасных, чем формальные молодежные группы. Формальными молодежными объединениями считаются группы, ведомые и управляемые взрослым социально-одобряемым сообществом: молодежные ответвления политических партий, создаваемые при муниципальных органах власти, волонтерские объединения, зарегистрированные общественные объединения. Но ведь и неформальные группы многообразны, они характеризуются широким диапазоном целей и интересов, принципов функционирования и характера активности — от рок-музыки, панков, хиппи, рейверов и балансирующих на грани правонарушений рокеров до враждующих между собой территориальных объединений и молодежных банд.

Сложности реального воплощения политических ожиданий оправдывают социальное исключение значительной части молодежи, традиционное политическое предпочтение практик обвинения жертвы и распространения моральных паник, внимание к субкультурной активности становится чрезмерным со стороны государства [Блюдина, 2000. С. 53–64; Омельченко, 2004]. Масс-медиа вносят свою лепту, становятся

мегафоном событий или стигмы, гипертрофируется общественная реакция. Социальный контроль за субкультурой активизирует неформальные механизмы общественного мнения и институты легитимного насилия (милиция, суд), которые объединяются в поисках эффективных мероприятий дисциплинирования и контроля: «приоритетом в борьбе с экстремизмом в среде молодежи должно стать устранение причин и условий, способствующих девиантному поведению» [Миронов, 2008]. Подобные практики позволяют государству снимать с себя ответственность за неэффективность социальной политики и обосновывать молодежную политику пунитивного толка (с акцентом на наказание и контроль).

Разнообразие и неравенство молодежи как социальная реальность

Противоречия молодежной политики, в немалой степени определенные фрагментированными и стереотипными знаниями о молодежи, вызваны тем, что априори подразумевает совпадение интересов государства и представителей молодежных групп. В настоящее время мероприятия молодежной политики преподносятся как взаимодействие государства и молодежи как воображаемому адепту доминантной культуры, лояльному ее идеалам и правилам. Поскольку цель молодежной политики – социализация молодежи в направлении лояльности курсу властей [См.: Год семьи... 2009], то все программы, концепции и проекты составляются и утверждаются по отношению к молодежи как гомогенной массе, не имеющей социальных, культурных и физических различий. Объективированное и административное понимание объекта молодежной политики подкрепляется пониманием молодежи в качестве единой социально-демографической группы, выделяемой на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и социально-психологических свойств, переживающей период становления социальной и психофизиологической зрелости, адаптации к исполнению взрослых ролей.

Несмотря на либерализацию социальной политики в постперестроенной России, унаследованный с советских времен принцип патернализма влияет на форму и содержание современной молодежной политики. Существующая система молодежной политики развивается как преимущественно государственная, в ней недооцениваются энтузиазм и преимущества частных инициатив. Между тем переход от молодежи как объекта к пониманию ее как субъекта молодежной политики способно на практике мотивировать молодых людей к самореализации в институтах гражданского общества, деятельность которых сможет стать направленной на улучшение положения молодежи.

Возможно, отсутствие быстрого эффекта от проводимых мероприятий снижает мотивацию разработчиков молодежной политики последо-

вательно реализовывать меры, доказавшие свою эффективность за рубежом. Может быть, сказывается инерция той ситуации, когда академические интервенции в пространство молодежных культур так и не были востребованы политиками как якобы не отвечающие государственным и политическим повесткам дня [Омельченко, 2009]. Современные идеологи молодежной политики признают, что один из важных уроков из практики последнего десятилетия заключается в том, что молодежная политика не может сводиться к лозунгам, призывам и требованиям. Программы патриотического, нравственного воспитания подрастающего поколения могут дать хороший шанс молодым людям стать настоящими гражданами России, «которые не просто ищут личного успеха в жизни, но и создают на благо своих родных и близких, своего народа и своей Родины» [Жидких, 2009. С. 6–7]. Впрочем, в отсутствии принципа взаимодействия возрастных и социальных групп трудно уйти от административной модели молодежной политики. Эта модель основана на практиках обвинения молодежи, оправдывает социальный контроль, вмешательство и так называемую нормализацию, обозначенную в Стратегии государственной молодежной политики как создание «благоприятных условий для эффективной социализации молодого поколения» [Там же. С. 6].

Создается впечатление, что исследования по различным аспектам молодежной тематики никак не влияют на разработку политической стратегии. Однако от официальных структур ожидаются шаги в направлении социальной интеграции разнотилевых молодежных групп, внимание к способам самопрезентации таких общностей, их автономных системах ценностей и норм, моделях поведения и потребления. Получается, что научное объяснение стратификации, поведения и субкультур молодежи идет своим чередом, а переписывание концепций молодежной политики – своим. Эти дискурсы в культурном пространстве почти не пересекаются, подобно параллельным прямым в классической геометрии. Ограниченное политическое признание дифференциации молодежи базируется на выборе одного важного с государственной точки зрения критерия – степени следования молодыми людьми социально (читай: государственно) одобряемому стилю жизни. Между тем, уважая разнообразие молодежной активности, авторы концепций молодежной политики могли бы заметить многообразие молодежных идентичностей, объединенных общей культурной практикой [Пилкингтон, Старкова, 2004. С. 84–94].

Молодые отечественные исследователи относят противоречия молодежной политики к неспособности отказаться от традиционных принципов и ценностей, полагая, что модернизационный потенциал молодежной политики ориентируется на принцип индивидуализации и свободы выбора [Страдзе, 2008], указывают, что полистилизм снизил конфликт массовой культуры и субкультур, а также на низкую информированность молодежи о мерах проводимой в регионе политики

[Иванова, 2003; 2004]. В целом особенностью современной молодежной культуры выступает мультистилизм, свободный выбор идентичностей, поиск новых правил поведения и самовыражения. Хорошо бы на это стремление к свободе был ответ без исключения и сегрегации.

Принцип инклюзии в поле молодежной политики

Понятие инклюзии по социальному содержанию означает демократическую акцию включения индивида или группы в более широкое сообщество с целью приобщения к определенному действию или культурному процессу [Алешина, Ярская, 2008]. Другими словами, инклюзия обозначает стремление к преодолению неравенства, обретения свободы и нового качества жизни. Это относится к включению лиц с ограниченными возможностями в общий поток социально-образовательного процесса, помощь в преодолении географических неудобств и экономических различий. Сюда можно отнести и преодоление дискриминации по полу, возрасту, здоровью, этничности, субкультуре и каким-либо другим признакам. Чтобы повысить качество жизни молодых инвалидов, мигрантов, сирот, сделать их социально активными гражданами своей страны, нужна полномасштабная реформа российской молодежной политики.

Социальная инклюзия сегодня с полным правом может стать одним из приоритетов государственной молодежной политики России: ведь от того, насколько подростки и молодежь включены в практики взаимопомощи, преодоления стереотипов и защиты человеческого достоинства, во многом зависит степень социальной сплоченности и мера гражданственности в российском обществе. Инклюзия – новый кодовый знак борьбы с дискриминацией и неравенством.

Мы полагаем уместным привлечение к пространству молодежной политики принципа инклюзии [Ярская, 2008; Ярская, 2010], который мог бы выступать сегодня общим принципом социального государства, социального образования, социальной политики. Феномен социальной инклюзии, масштабы которой пока невелики, еще не имеет непротиворечивой научной интерпретации для участия в развитии методологии научного анализа молодежной политики. Вместе с тем принцип инклюзии может сыграть роль социальной инновации в конструировании проблемного поля молодежной политики, в частности, для объяснения роли молодежных субкультур в поиске культурной идентичности, индивидуализации стиля личностного и группового форматов. Кодовое переключение молодежной политики требует осуществить переход от идеологии эксклюзии [Астоянц, 2009] и сегрегации отдельных молодых страт к принципу социального включения, инклюзии разных по стилю жизни, социальному статусу, образованию, здоровью молодежных когорт. Такой переход обеспечит интеграцию и сплоченность молодежных

культур с культурой взрослого поколения, что, разумеется, не означает их ассимиляцию.

Отнесение к маргинальным молодежным субкультурам тех юношей и девушек, которые испытывают социальную несправедливость и подвергаются негативным аттитюдам со стороны социального большинства, как раз и требует осуществления социальных изменений на принципах инклюзии — в пространствах образования и воспитания, межэтнических взаимодействий, занятости и трудоустройства. Однако трудность построения молодежной политики на основе принципа инклюзии, к сожалению, очевидна.

Вместе с тем инклюзивность трактуется политиками порой как восприятие молодыми людьми в качестве личностной потребности политической консолидации и содействия социально-политическому развитию России. Конечно, включение идейной, ответственной молодежи в экономическую и социально-политическую жизнь общества соответствует рациональным ожиданиям взрослого общества, но понимание инклюзии только в качестве «вовлечения молодежи в социальную практику» [Рожнов, 2009. С. 7–8] объективно игнорирует ее своеобразие. Вмешательство в молодежную систему внешних акторов ведет к возникновению нового образца интеракции между ними, провоцирует протестное поведение в молодежной среде, с одной стороны, и заставляет государство усилить репрессивные меры — с другой. Эти процессы могут привести в конечном счете к росту социальной напряженности при усилении контроля над молодежью со стороны отдельного социального института, политической партии или государства, недовольстве со стороны молодых деятельностью политических институтов.

В соответствии с либеральной идеологией, молодое поколение должно прокладывать себе жизненный путь в условиях рыночной конкуренции, используя широкие возможности в сфере экономики, участвуя в практиках предпринимательства, а государству не следует вмешиваться в дела молодежи. На самом деле, почти десятилетие комитеты и департаменты по делам молодежи существовали формально или взаимодействовали с молодыми людьми в рамках отдельных мероприятий. Хотя и говорят, что через субкультурные формы лежит путь к освоению социальности и взаимодействия молодежи, которое в советское время реализовывалось в деятельности комсомола [Луков, 2002. С. 79–87], в это не очень верится, ведь в ту историческую эпоху государственная политика была единым целым, и отдельной молодежной политики не существовало. А современные руководители молодежного мэйнстрима и реформаторы государственной молодежной политики пребывают в комсомоле — это идеология и теория, огромная институциональная структура, целая система практик, историческая память, — просто так не отмахнешься.

Молодежная политика успешна, если она не отделена от семейной, образовательной и общей социальной политики в широком смысле слова. Ведь именно семья создает макроэкономические условия нормальных детско-родительских отношений, в то время, как общество в целом обязано заботиться и о родителях [Боулби, 2004; Авдеева, Хаймовская, 2003], интегрированная социальная политика может охватывать весь период становления личности, от рождения до создания молодой семьи. Хотя большая часть молодежи оказывается при этом вне благополучного потока: кроме инвалидов и подростков, оставшихся без попечения родителей, это еще и семьи с низким доходом. У нас постоянно стремятся к эксклюзивному образованию, элитарным школам, а ведь намного важнее — когда вузы, колледжи, профтехучилища и школы согласны принимать инвалидов, представителей этнических меньшинств и мигрантов, социальных сирот в обычные группы, классы, обычные школы. Подобные примеры образовательной инклюзии при достаточно квалифицированной организации процесса воспитывают у молодого поколения толерантность, коммуникабельность, культуру взаимной поддержки. И в этих случаях, следовательно, полезны специальные федеральные и региональные программы, дополнительное финансирование — на переоборудование инфраструктуры, привлечение социальных работников, специальных педагогов. Это, как показывает опыт ряда европейских стран, должно повысить качество образования и улучшить среду обучения для всех.

Законопроект «О государственной молодежной политике Российской Федерации» появился весной 2007 года, а в 2009 году — в Год молодежи в России — должны были получить развитие творческий, научный и профессиональный потенциал молодежи, ее активизация в социально-экономических преобразованиях, воспитаны чувства патриотизма и гражданской ответственности у молодых людей.

Наблюдается парадоксальная, но типичная для трансформационного периода ситуация: наличие достаточно развитого законодательства, декларирующего права инвалидов и социальных сирот на участие в молодежной политике, образовании, социальной интеграции, и одновременно — практическое отсутствие механизмов их реализации. Эксклюзия, изоляция проходит путем лишения многих молодых людей доступной жизненной и образовательной среды, необходимых услуг, да и просто уважения. Но в таком случае трудно обеспечить преемственность при смене поколений, сохранение культуры, вряд ли возможно воспитание патриотизма и сплоченности молодых граждан, правовой и экологической культуры, демократических и гражданских идеалов, социальной компетентности и толерантности.

Отсутствие ожидаемого эффекта нередко объясняется действиями неких не контролируемых государством враждебных сил, среди которых выделяются различные социальные агенты. Среди них оказывается

и молодежь как социально пассивная группа [Новые требования, 2008], и «институт улицы и подворотни» [Куприянова, 1999. С. 11–20], а также «деструктивные силы», использующие молодежь «в своих целях, нередко пытаясь под предлогом патриотического воспитания навязать молодежи радикальные идеи» [Миронов, 2008]. В том же ключе звучат и неспособность государства вызвать доверие со стороны молодежи, и внутрисемейные проблемы, и педагогическая неспособность родителей, и трудовые конфликты, связанные с переделом собственности [Староверова, 1999. С. 28], и неопределенность общественно-политической ситуации, отчуждение и делегитимация политической власти как причина политического нигилизма молодежи [См.: Зубок, Чупров, 2004]. Кто виноват? – это, пожалуй, самая распространенная практика обсуждения неудач при поиске путей преодоления социальных противоречий, которые в сфере молодежной политики определяются расхождением интересов государства и молодежи.

Выводы

Модернизация молодежной политики осуществима на путях включения концептуального принципа субъектности, отмены традиций патернализма, ухода от понимания молодежи исключительно в качестве объекта действия государства, решительного отказа от административной модели, нормативистского и пунитивного дискурсов. Молодость имеет культурно-историческую и социальную природу и зависит от участия в формировании программ по ее поводу. Непонимание молодежных культур взрослой когортой конструирует семантику социальной опасности, усиливает контроль, сдерживание, наказание, стремление к нормализации и эффективной социализации в административной риторике.

Реформаторы и руководители молодежной политики игнорируют в силу ведомственного разобщения создание сети инклюзивных и альтернативных образовательных форм. Чтобы повысить качество жизни социально уязвимых молодежных когорт, нужна полномасштабная реформа российской молодежной политики, которая предусматривала бы вопросы понимания субкультур и интеграции групп, испытывающих эффект социальной депривации, в программы культуры, спорта, туризма, образовательной и творческой активности. Важно понимать, что представители социально разнородной молодежной когорты имеют равные права, и что их разнообразие не требует подгонки всех под один социокультурный знаменатель. Вместе с тем именно дискурс сплоченности, концентрация внимания на интеграции проблемных когорт, социально-уязвимых групп мог бы стать позитивной социальной инновацией в стратегии государственной молодежной политики и стратегии модернизации.

Список литературы

- Авдеева Н. Н., Хаймовская Н. А.* Развитие образа себя и привязанностей у детей от рождения до трех лет в семье и доме ребенка. М.: Смысл, 2003.
- Алешина М., Ярская В.* Содержание понятия инклюзии в контексте code switching // Образование для всех: политика и практика инклюзии: Сб. науч. тр. Саратов: Научная книга: ЦСПГИ, 2008.
- Астоянц М. С.* Социальное сиротство: условия, динамика и механизмы эксклюзии (социокультурная интерпретация). Азов: АзовПечать, 2009.
- Блюдина У.* Молодежные культуры, масс медиа и феномен «моральных паник» // Другое поле: Социологические практики / под ред. Е. Омельченко. Ульяновск: Средневожский научный центр, 2000. С. 53–64.
- Боргоякова Т. В.* Деятельность органов государственной власти и институтов гражданского общества Российской Федерации по предотвращению проявлений политического и религиозного экстремизма в деятельности молодежных организаций // Государственная молодежная политика в Российской Федерации: основные направления. Аналитический Вестник Совета Федерации РФ. 2009. № 9 (376).
- Булби Дж.* Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический проект, 2004.
- Год семьи, Год молодежи... Год учителя: опять чиновничье пустословие?* // Прогнозно-аналитический центр Академии управления глобальными и региональными процессами социального и экономического развития. Проекты. 06.04.2009 // <http://www.vodaspb.ru/files/projects/20090405-god-mol.htm>.
- Дополнительное образование молодых инвалидов в контексте приоритетов социально-экономического развития* / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ», № 196. М.: МОНФ: ЦСПГИ, 2007.
- Жидких В. А.* Государственная молодежная политика в Российской Федерации: основные направления // Государственная молодежная политика в Российской Федерации: основные направления. Аналитический Вестник Совета Федерации РФ. 2009. № 9 (376). С. 5.
- Зайцев Д. В.* Концептуальные основы государственной политики по социальной интеграции детей с ограниченными возможностями // Отечественный журнал социальной работы. 2006. № 3. С. 11–20.
- Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37–47.
- Зубок Ю., Чупров В.* Тенденции социального развития молодежи в современном Российском обществе // Федеральная целевая программа «Молодежь России (2001–2005 годы)»: эффективность и перспективы. Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2004. № 31 (251) // <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2004/vestniksf251-31/vestniksf251-31100>.
- Иванова А. И.* Молодежная политика: субкультурный подход // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». М.: Альфа-М, 2003. Т. 3. С. 124–125.
- Иванова А. И.* Молодежь города: современные модели идентичности // Саратов: идентичность, ресурсы, стратегии. Формула идентичности и успеха. Саратов: Изд-во СГУ, 2004. С. 89–92.
- Иконникова С. Н.* Молодежь: социологический и социально-психологический анализ. М.: Прогресс, 1998.

Кананина Е. В. Социальная работа в ювенальном суде: использование импорта концепций в локальных российских практиках // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2006. № 4. С. 179–182.

Костерина И. В. Конструкты и практики маскулинности в провинциальном городе: габитус «нормальных пацанов» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 4. С. 122–140.

Куприянова Г. В. Молодежная политика Российской Федерации в современных условиях // Молодежь в условиях социально-экономической трансформации российского общества. Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 1999. № 15 (103). С. 11–20.

Луков В. А. Особенности молодежных субкультур в России // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 79–87.

Мейлахс П. Четвертая мировая война или очередная моральная паника? // Нева. 2004. № 1 // <http://magazines.russ.ru/neva/2004/1/>.

Мерквиладзе И. Сексуальные права и моральная паника // Информационный портал «Женщина и Общество» 26.06.2005 // <http://www.owl.ru/cgi/Content/runbroker.cgi>.

Мионов С. Противостоять молодежному экстремизму // Экономика и жизнь. 22.05.2008 // <http://akdi.ru>.

Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / Сост. Д. В. Громов; отв. ред. Н. Л. Пушкарева. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2009.

Нагаев В. В. Ювенальная юстиция. Социальные проблемы. М.: ЮНИТИ-Дана: Закон и право, 2010.

Новые требования к государственной молодежной политике на современном этапе развития, 2008 // <http://www.ed.gov.ru/junior/rub/trebov/trebov.doc>.

Омельченко Е. Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга, 2004.

Омельченко Е. Выступление на Публичном социологическом семинаре СПбФ ГУ – ВШЭ. 19.02.2009 // <http://www.hse.spb.ru/news/seminar-hse.phtml>.

Пилкингтон Х. А., Старкова Е. «Продвинутые» и «нормальные» стратегии локальной жизни // Человек. Сообщество. Управление. 2004. № 1. С. 84–103.

Право на жизнь в обществе: механизмы образовательной интеграции детей-инвалидов / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой, А. Галаховой. Саратов: ЦСПГИ: Научная книга, 2007.

«Преступление и наказание» несовершеннолетних правонарушителей. Мнения населения и экспертов. СПб.; Саратов; Ульяновск: ЦНСИ, 2004.

Резолюция (общие положения) митинга «Спасем семью – спасем Россию!» (г. Москва, Болотная площадь, 21 марта 2010 года) // http://www.religare.ru/2_73925.html.

Рожнов О. А. Материалы Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации // Государственная молодежная политика в Российской Федерации: основные направления. Аналитический Вестник Совета Федерации РФ. 2009. № 9 (376). С. 7–25.

Салагаев А. Л., Шашкин А. В. Молодежные группировки – опыт пилотного исследования // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 50–58.

Скатова В. В. Методологический анализ процесса социализации воспитанников сиротских учреждений // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 312. Июль. С. 54–57.

Социология молодежи в контексте социальной работы / В. Н. Ярская, Л. С. Яковлев, А. Ю. Слепухин и др. / Под ред. В. Н. Ярской. Саратов: СГТУ, 2004.

- Староверова И. Н.* Молодежная результирующая российских реформ // Молодежь в условиях социально-экономической трансформации российского общества. Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 1999. № 15 (103). С. 28.
- Стивенсон С.* Казанский Левиафан: молодежные территориальные группировки и проблема социального порядка / Polit.ru // <http://www.polit.ru/research/2006/08/30/stivenson.html>.
- Стивенсон С. А.* Короли и люмпены московских улиц – уличные дети как особое сообщество / Индекс // Досье на цензуру. Питомцы призрения. 2002, 17 // <http://index.org.ru/journal/17/stiven.html>.
- Стивенсон С. А.* Уличные дети и социальный капитал городских теневых сообществ // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 87–97.
- Страдзе А. Э.* Интеграция социологических подходов к исследованию молодежной политики // Социально-гуманитарное знание. 2008. № 10. С. 86–92.
- Чуров В., Зубок Ю.* Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М.: Academia, 2009.
- Шмидт В. В., Шмидт В. Р.* Готовить и готовиться к свободе: как помочь осужденному подростку и его окружению: тренинг для тренеров. М.: Фонд ИНДЕМ, 2007.
- Штейнберг Э. И., Вдовина Н. А., Кананина Е. В., Чиркина Р. В.* Особенности ценностных ориентаций и социального выбора несовершеннолетних, оказавшихся в местах принудительного содержания // Отечественный журнал социальной работы. 2005. № 2 (21). С. 66–73.
- Ярская В. Н.* Образование, инвалидность, молодежь: три проблемных поля // Инвалидность в контексте становления гражданского общества. Ставрополь: СевКавГТУ, 2006. С. 33–39.
- Ярская В. Н.* Инклюзия – новый код социального равенства // Образование для всех: политика и практика инклюзии. Саратов: Научная книга, 2008. С. 11–16.
- Ярская В. Н.* Социальная инклюзия в молодежной политике // Поволжский торгово-экономический журнал. 2010. № 1 (13). С. 63–74.
- Ярская-Смирнова Е., Карпова Г., Ворона М.* Веселые, непонимающие и бессердечные? О феномене Питера Пэна // Неприкосновенный запас. 2008. № 6 (62). С. 161–177.
- Ray L.* Italy: Too little time and space for childhood. Unicef: Istituto degli innocenti di ferenze, 1992. P. 9–25.

Валентина Николаевна Ярская
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Почетный работник высшего профессионального образования,
д-р филос. наук, советник ректора
Саратовского государственного технического университета
электронная почта: jarskaja@mail.ru

Наталья Игоревна Ловцова
д-р социол. наук, профессор,
начальник Управления международными связями,
зав. кафедрой социальной антропологии и социальной работы
Саратовского государственного технического университета
электронная почта: lovcovani@sstu.ru
